

Saule Abiszewa

Структура и семантика адресата в цикле Б. Кенжеева "Послания. Монреаль 1889"

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 123-132

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Saule Abiszewa

Kazachski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny
Alma Ata, Kazachstan

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА АДРЕСАТА В ЦИКЛЕ Б. КЕНЖЕЕВА *ПОСЛАНИЯ. МОНРЕАЛЬ 1889*

Ключевые слова: *послание, цикл, обращение, адресат, сюжетная доминанта*

Жанр поэтического письма предполагает наличие собеседника, к которому направлена речь, выраженная в форме обращения. Это адресованное слово одновременно формирует образы пишущего и получателя письма. «Значение ориентации слова на собеседника – чрезвычайно велико. В сущности *слово является двусторонним актом*. Оно в равной степени определяется как тем, *чье* оно, так и тем, для *кого* оно. Оно является как слово именно *продуктом взаимоотношений говорящего со слушателем*»¹. Обладая наименьшей степенью условности, обращение служит созданию интонации доверительности и зачастую, неоднократно повторяясь в пределах стихотворного текста или целого цикла, позволяет адресанту фиксировать внимание адресата на наиболее важных смысловых и эмоциональных моментах послания. В цикле Кенжеева *Послания. Монреаль 1889*² структурно-семантической доминантной является прием адресатности.

Образ адресата относится к важным структурообразующим и концептуально значимым элементам художественного целого и является равноправным участником поэтического диалога. Особенно показательна фигура адресата в дружеском послании. В этом случае поэтическое письмо, обращенное к знакомому адресату, относящемуся к одной из «внутреннего адресата», предполагает «совпадение объема памяти» (Ю.М. Лотман). Присутствующие же в тексте произведения факты биографии и частные детали, понятные только адресату и адресанту, требуют комментариев, своеобразной дешифровки. Благодатный материал для этого дает цикл Кенжеева.

Послания. Монреаль 1889 сформированы при участии двух жанровых структур – послания и цикла. Жанр послания, пройдя путь от античности до наших дней, в современной поэзии, в частности, у Кенжеева, предстает в стилизованно-ироническом виде под послания русских поэтов XIX века. 12 стихотворений-

---

¹ М. Бахтин, *Антропологистика: Избранные труды*, Москва 2010, с. 78.

² Б. Кенжеев, *Послания*, Алматы 2004.

посланий включены в метажанровую систему цикла и участвуют в создании многообразной эмигрантской картины жизни конца XXI века.

Обращение к получателю письма проходит через все стихотворные тексты. В диалогах А. Белых с Б. Кенжеевым, названных *Уховертка под божьим камнем*, автор *Посланий. Монреаль 1889* признается, что «это действительно послания реальным людям»³. В основном все они бывшие соотечественники Кенжеева, известные как поэты и писатели (8 адресатов), друзья (3 человека) и бывшая возлюбленная. Тема творчества и литературы, являясь сквозной, играет важную посредническую роль в отношениях между адресатом и адресантом. Попытаемся более подробно рассмотреть, кто эти люди, с которыми поэт желает поделиться своими мыслями, и как работает механизм поэтического обращения в *Посланиях. Монреаль 1889* Кенжеева.

«В художественном тексте существует ряд языковых сигналов, выражающих значение адресованности: обращения, местоимения, вопросительные конструкции, номинативные ряды читателя и персонажей, метатекстовые операторы, отбор информации и пояснения, оценочные средства, заглавия, графическая организация текста»⁴. Все эти разновидности, начиная с названия цикла – *Послания. Монреаль 1889*, можно встретить у Кенжеева. В общей сложности по всему тексту цикла насчитывается более 100 разнообразных обращений, что способствует созданию живого общения между хорошо знакомыми людьми.

Доминантной формой обращения является онимическая. В 10 стихотворениях при обращении к адресатам названы их фамилии: Радашкевич (*I*), Милославский (*IV*); имена: Марк (*V*), Яков (*VIII*), Рональд (*X*), Тимур (*XI*), Александр (*XII*) или и то, и другое: Михаил Моргулис (*III*), Дмитрий Александрович Пригов (*VII*). Личность адресата может быть зашифрована в имени его художественного героя: в послании *IX* идентификация Саши Соколова осуществляется через имя Палисандра. Только в посланиях *II* и *VI*, обращенных к женщинам, соблюдается инкогнито: «подружка» и «друг сердечный». Дешифровать адресатов этих посланий возможно благодаря указанному интервью с Кенжеевым⁵.

Во всех 12 посланиях адресат находится в поле зрения адресанта, о чем свидетельствуют обращения в форме личных местоимений («Ты не поклонник прозы, ты / навеки привязан к странной музыке верлибра», «Ты мало изменилась», «Ты, знаю, убежден...», «Ты послужишь верой / и правдою любимой королеве» и др.), обращения с использованием притяжательного местоимения «мой» («товарищ мой», «любезный мой Моргулис», «мой добрый Яков» и др.). Последняя форма обращений часто передается с помощью традиционной формулы «мой + существительное»: «мой друг-прозаик», «моя голубушка», «мой профессор», «друг мой» и др. Нередко в формировании фигуры обращения участвуют глаголы повелительного наклонения: «прощай», «передай», «учти», глаголы во 2-м лице: «поверишь», «знаешь», «прости», «не сердись». Встречаются и вопросительные конструкции: «ты видела занятнейший отрывок / в январском «Русском

³ Электронный ресурс: www.netslova.ru/belyh/kenzheev.html.

⁴ Е. Бударagina, *Средства создания образа адресата в художественном тексте*, Москва 2006, www.lib.ua-ru.net/diss/cont/310106.html.

⁵ А. Белых, *Уховертка под божьим камнем: Диалоги с Б. Кенжеевым*, www.netslova.ru/belyh/kenzheev.html.

вестнике» за прошлый / год?», «Ночами / является ли в хижину твою / слепая тень Гомера?» или

...Рождество
омрачено – опять до поздней ночи,
тоскуя, правлю текст... а через две
недели – представляешь ли? – открытку
прислал мне стол находок (III).

Количество различных форм обращений в пределах одного послания колеблется от минимальной частотности (4 обращения в XIII) до максимальной (15- в I). Обращение построено таким образом, что нередко способно давать исчерпывающую характеристику адресата. В I послании, посвященном поэту А. Радашкевичу, в обращении указано место его проживания («ты, парижский обитатель») и говорится об отношениях с императорским домом Романовых («мой монархист»). Пишущий письмо показывает осведомленность о фактах жизни и биографии своего собеседника: о юности Радашкевича, прошедшей в городе на Неве, его поэзии и его эстетическом статусе в сознании литературной общественности: «Скажу без ложной лести – / ты, человек другой эпохи, знаешь / толк в красоте».

В IV послании героем-адресатом является Милославский: «Мой добрый Милославский, с Рождеством / тебя Христовым». В стихотворении обращение-характеристика и жизненная фактография, тесно переплетаясь, создают единое информационное поле. Оно позволяет узнать, что Милославский – писатель:

...Но, признаться,
скучаю по твоим рассказам, по
пространным, страстным письмам. Где новеллы,
где твой роман заветный? Неужели
тебя, мой друг-прозаик, так смутили
реформы на Руси?

Контекст стихотворения позволяет вычислить не только героев и темы произведений Милославского, но и то, где он жил раньше («я и тогда, чуть обернусь, увижу / твой страшный Харьков – мытарей, блудниц, / разбойников...»), и где он живет в настоящее время («встречаю / твои статьи о храмах, о легендах / Святой земли – а это значит, ты / благополучен – не убит арабом, / не выслан из державы иудейской / верховным раввинатом»).

Кенжеев предлагает разные вариации сочетания обращений и текстовых характеристик адресата. Например, в V обращения достаточно стереотипные: «Любезный Марк», «Марк», «милый», «Мой славный друг». А вот текстовые характеристики адресата, разбросанные по всему стихотворению, отличаются информационной насыщенностью. Они позволяют составить представление о судьбе и личности Марка Райхлина. Так же, как и адресант, он входит в лагерь «либеральных, / ленивых жизнелюбцев». «Из сонного Торонто», где Марк по воле судьбы работал привратником, «ветер странствий / погнал» его на запад. Адресанта и адресата объединяет память об общей отчизне: «Давно ли в Петербурге, белой ночью, / стояли мы над царственной Невою». Из контекста стихотворения

становится понятным, что Райхлин – эмигрант из России, где, занимаясь продажей акций, когда-то «ворочал миллионами». Он, по мнению пишущего, «не так-то прост», талантлив, «молод и негибает». Изображение частностей его семейной жизни (потомство, у которого режутся зубки, и отпрыск, который «растет / молочным братом юного виконта») еще больше подчеркивают частный характер послания. В нем все сосредоточено на личности адресата, для которого пишущий проводит своеобразный психологический тренинг. Здесь неудачам противопоставляются удачи, и дается установка на счастливое и богатое будущее:

Лет через пять, когда переберешься
обратно в Монреаль и заведешь
открытый дом в Бестмаунте, явлюсь
к тебе на бал – и за бокалом брюты
уговорю, ей-богу, учредить
стипендию писателям российским.

Если обращения можно отнести к категории структурно-синтаксических курсивов всех стихотворений цикла, то обязательные сведения об адресатах составляют его смысловой курсив. Уникальность цикла Кенжеева заключается в том, что нередко в них расширены границы поэтического письма за счет активного введения фактографического материала из жизни адресатов, ярким доказательством чему служит *V* послание – самое частное из всех двенадцати. Показывая свою осведомленность, автор разрушает границы возможного отчуждения, проявляет заинтересованность в судьбе адресата и уважение к нему.

Принцип соотнесенности обращения и текстовой характеристики адресата, их количественный и качественный объем зависят от сюжетной доминанты послания. Такими доминантами могут быть личность адресата, сам адресант, рассуждение о политике, творчестве, жизни, сравнение жизненных укладов, изображение некоего события и т.д. Чаще всего письменное обращение к собеседнику у Кенжеева становится отправной точкой для развития доминантного сюжета. Во *II*, обращаясь к литературному критику Л. Панн («Привет тебе из северного града, / манхэттенская жительница!»), Кенжеев, сравнивая образ жизни канадских жителей и американских, полон иронии в адрес своей эпистолярной собеседницы. Этой иронией он прикрывает искренние чувства доброты и духовного родства со своим адресатом.

В *III* послании информация об адресате минимальная. Встречаются 5 стандартных форм обращения, типа «Почтеннейший Моргулис», «друг Михаил», и незначительные оценочные характеристики адресата, имеющие больше эмоциональный оттенок и находящиеся в соответствии с его статусом, связанным с религиозной деятельностью: «ты меня еще не проклял», «Ну, не сердись. Ты, знаю, убежден», «Ну, будь спокоен, милый». Этот минимализм позволяет высвободить текстовое пространство для сюжетной доминанты. Ею стало «событие» (рассказ адресанта о потере им рукописи в канадском омнибусе), имевшее счастливый конец: потерянная рукопись через две недели была возвращена хозяину.

VI имеет 4 стереотипных обращения, среди которых «моя голубушка», «милая» и т.д. Минимальные сведения о жизни адресата с включенными в них обращениями, состоящими из стандартного набора понятий, звучат откровенно иро-

нично: «Прелестница моя, каков портрет, / какое платье! Прямо, как живая»⁶, «Супруг / законный, неизменный? Или дочка?». Хотя автор и пытается скрыть свои чувства за иронией, это ему удастся плохо, т.к. сразу же, без перерыва, происходит смена эмоциональных регистров: «Ты мало изменилась, друг сердечный, – / неугомонный, милый, жаркий взгляд / все так же неприкаян». В текстовой характеристике «зима, / та самая, которой так тебе / недостает во Фландрии» соединилось все: тоска по родине, прошлому и грусть о былой любви. В этом послании обращение к адресату становится отправной точкой в развитии развернутой сюжетной доминанты «творчество», возникающей в результате сцепления трех картинок: чтение автором стихов в эмигрантском клубе, изображение моста через «властную реку», где разыгрываются драмы человеческих судеб, и пересказ романа Достоевского *Идиот*.

Сюжетной доминантой *VII* послания является личность Пригова, поэтому обращения имеют ярко выраженный индивидуальный характер («Приветствую тебя, неповторимый / Дмитрий Александрович», «Пригов», «российский гений»). Стихотворение представляет собой панегирик классику русского концептуализма, в создании текста участвует целый арсенал художественных приемов. Высокий образный ряд придает посланию торжественное звучание («символ высшего блаженства», «не возгордись, не подвергай забвенью / своей прискорбной участи», «послом достойным / отечества», «ослепительным восходом / твоей звезды», «волнуйся же в предвосхищенье», «прими благословенье», «Всходи же, не колеблясь, на Олимп»). Изобилие синтаксически клишированных словосочетаний «прилагательное + существительное» также придает посланию особую интонацию: «пленительные строки», «на красочных полотнах», «великому призванию», «в измученной душе», «вдохновенной кисти» и т.д. Имеется группа аналогичных по синтаксической структуре, но антонимических по содержанию словосочетаний: «изнеженному зрителю», «при старом / режиме», «злые модернисты», «в развратном Новом Свете», с помощью которых еще сильнее подчеркивается значительность творческой личности Пригова.

Слова, обозначающие творчество и признание, рассыпаны по всему тексту послания: «бенефис», «слава», «холсты», «сонеты», «бестрепетное перо», «гармонические созвучия», «факел поэзии», «творчество», «муза», «венки лавровый». «Российский гений», «заслужив всемирный сей триумф / трудом, талантом, самоотреченьем», удостоивается и титула «российского Монтеня». В послании Кенжеев идет по пути расширения онимических рядов, называя рядом с Приговым имена Державина и Рокотова, Лукреция и Тасса, Гоголя. О значимости личности адресата и всемирном его признании свидетельствует и широкая география: Нью-Йорк, «от Караганды до Сан-Франциско», Канада, Новый Свет, Италия, где знают и почитают Пригова. Благодаря фигуре метонимического замещения («родина» и «Олимп») подразумеваются прямо не названные Россия и Греция.

⁶ Шутливая интонация напоминает монолог крыловской лисицы.

Ср. И.А. Крылов *Ворона и лисица*:
Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!

Из послания *VIII* выясняется, что его адресат – химик по имени Яков: «мой Яков», «мой добрый Яков», «мой мудрый химик», «добрый мой профессор». Сюжетной доминантой становится стилизованный в поэтических традициях конца XIX века разговор об особенностях жизни в конце XX века в России и Канаде. Если Россия только проснулась от тирании, то бедная Канада поражена «жесточкой болезнью», новой чумой, которая напоминает о Страшном суде. И надежда на избавление от нее возложена автором письма на адресата:

... А ты,
мой мудрый химик, преданный до страсти
естествоиспытательству, ночами
беззвездными у вытяжного шкафа
мешаешь белый фосфор с мышьяком,
с толченой костью, с серным ангидридом
и ставишь перегонный куб голландский
на масляную баню, наблюдая
за чередой чудесных превращений,
сулящих избавление от заморской
чумы...

Как заклинание звучит в тексте восьмикратное обращение к Якову-избавителю. А изображение таинства химических опытов похоже на звучание завораживающей музыки: в этом заключается дань Кенжееву своему профессиональному прошлому, т.к. он, выпускник химического факультета МГУ, о химии знает не понаслышке.

Прием игры является определяющим в послании *IX*, обращенном к собрату по перу – Саше Соколову. Имя Палисандр, по которому пишущий обращается к адресату, служит разгадкой его личности, т.к. Палисандр Дальберг – герой, автор воспоминаний в романе Соколова *Палисандрия*.

В судьбе Палисандра-Соколова важны топонимические знаки. Это картина благословенной Греции, с её приметами быта (сыр овечий, пастушеская лепёшка, двуручная амфора) и древней истории и культуры (слепая тень Гомера, храм Артемиды, юная Европа). «Счастливая Эллада» – топос, олицетворяющий благополучную жизнь адресата. Но так было не всегда. Поэт прослеживает путь скитаний своего эпистолярного собеседника: «уже пятнадцать лет, / как из славянских сумрачных пределов / вернулся ты в Канаду, на свою / заснеженную родину». (Писатель Саша Соколов, действительно, родился в Оттаве, в семье советского дипломата). Затем была негостеприимная Америка, откуда «пароход ревуший» увлек его в «желанную Элладу». Но так же, как и для героя его романа, ключевым топонимом в судьбе Соколова является Россия.

Риторические вопросы и восклицания переполняют следующий эмоциональный пассаж, призывающий адресата вернуться на родину. Понятие «Отчизна» двойится в сознании читателя: с одной стороны, для русского писателя это, безусловно, Россия. С другой – биографический факт рождения адресата в Канаде позволяет Кенжееву увлекать читателя игрой топографических примет:

... Неужто ты навеки
отверг дары отечества – лапту,
коньки острозаточенные, скачки,
хоккейные баталии?...

И лишь упоминание каноэ и озера Святого Иоанна позволяет понять, что речь идет всё-таки не о России, а о Канаде.

Пушкинская реминисценция из стихотворения *Нет, я не дорожусь мятежным наслажденьем...* попадает у Кенжеева из любовного контекста в контекст темы творчества и вдохновения:

...когда, склоняясь на долгие моления,
ты ударял волшебными перстами
по струнам верной лиры...

Легкая ирония такой перестановки не исключает вполне серьёзного объединения двух мотивов: любовь и творчество порождают одинаково сильные эмоции. Не случайно адресат-Палисандр-Соколов назван в этом послании любимцем Аполлона и Эрота.

Послание *X* композиционно распадается на две части, в каждой из которых выстраивается особый сюжет. В первой автор письма гипотетически воссоздает картины жизни своего адресата – издателя-труженика и просветителя. Если учесть, что адресат – редактор легендарного издательства «Ардис», становятся понятны юмористические, но и наполненные современными смыслами архаические детали издательского дела: «стоишь в сыром подвале за машиной / печатною, то у наборной кассы / сгибаешься». Во второй части послания разворачивается жизненный сюжет адресанта – поездка с семьей к морю, отпуск на юге, курортные впечатления, среди которых – Микки-Маус, уподобленный языческому богу туземцев.

Через всё письмо проходит тема спиртного, которая объединяла собеседников в прошлом («ночные наши буйные пиры»), но отныне стала для адресанта запретной: «я сумел расстаться / с грехом своим». В финале послания в один ряд «словесности старинной» объединяются имена Битова, Цветкова и Жуковского. Так из общей негативной оценки «захиревшей» ныне русской литературы исключаются писатели, которым автор отдает предпочтение. Послание пронизано медитативной, элегической интонацией, не исключающей, однако, шуточного или ироничного тона, переходящего порой в сарказм. Жанр дружеского послания относится к неканоническим жанрам, поэтому для одновременной передачи высокого и бытового смыслов, серьезных и ироничных интонаций для него свойственна языковая свобода, о чем свидетельствуют все двенадцать *Посланий. Монреаль 1889*.

Определяя своего собеседника в послании *XI*, поэт Тимура Кибирова оксюморонно «печальный пересмешник», Кенжеев, может быть, невольно, характеризует и свою собственную позицию. Опыт обретенного опыта, житейского и творческого, приводит поэта к выводу, имеющему этическую и эстетическую ценность: «Гармония, Тимур, / вещь редкая и дорогая».

В основе послания – лирическое повествование об образе жизни автора, о его творческих сомнениях, а может быть даже – кризисе. Адресат так же, как и адресант, «инородец»⁷, которому должны быть вполне понятны и близки раздумья

⁷ «А хорошая, признаемся, игра: зваться восточным, неславянским именем, с выразительнейшим -ы- в ударном слоге ямбической стопы «Бахыт», числить среди своих предков неких ка-

пишущего письмо о красоте и сверхчеловеческой силе русского языка: «И гибок он, и жарок. Как больная / красавица, и мясом человечьим / питается, и ненавистью так / пропитан, что опасно прикоснуться / к его шипящим звукам». Доверительная интонация объясняется тем, что адресат послания – соратник по цеху, единомышленник, разделяющий не только эстетические, но и политические взгляды своего собеседника. Поэтому тема творчества плавно переходит в описание ситуации в мире: Петербург, Америка, Европа, Канада как будто выстраиваются в обзорную панораму, свидетельствующую о том, что лирический герой посланий живёт в гуще мировых событий.

Завершает разговор с другом-стихотворцем вновь тема поэзии. Добровольный изгнанник «с февральской почтой» получает новую поэму своего адресата, изданную за границей. Его восхищенная оценка имеет оттенок если не двусмысленности, то амбивалентности:

...и восхитился я
нежданной этой музыкой – алмазом
по зеркалу кривому, по стакану
трактирному, по небу голубому...

«алмазом по зеркалу» – не то же ли, что – «железом по стеклу»?

Адресатом последнего, *XII*, послания является друг и соратник Кенжеева по „Московскому времени” Александр Сопровский. Если не знать комментариев самого Кенжеева по поводу реальных адресатов, то достаточно сложно утверждать, что послание адресовано именно Сопровскому. Обращение к адресату и само его присутствие максимально минимизировано (4 обращения) и крайне обобщенно. Юность и Кенжеева, и Сопровского проходила в московском пространстве, которое стало органической частью их поэзии:

Вот и весна, историк, искушенный
в искусстве красноречия, ночной
побежке звезд над старым переулком
и хрусте льда под сквозняком апрельским.

Но «историком красноречия» может быть и любой другой поэт, чья судьба связана с Москвой. В частности, им может быть и Пушкин, личность которого присутствует в послании повсеместно и которого Кенжеев называет «славным соименником» Сопровского:

... Поэт,
Чуть улыбаясь, смотрит с постамента
чугунного... а глупые студенты,
хихикая, перевирают строки
про милость к падшим...

захских теократических персон, обитать в какой-то там Канаде, совсем, признаться, неведомой по опыту ни Баратынскому, ни даже Ходасевичу, – и писать на самом что ни на есть «аттическом» русском языке Золотого века» (С. Аверинцев ...*Проминается, и длится, и сияет, все прости*, [в]: Б. Кенжеев, *Из семи книг*, Москва 2000, с. 235-236).

В тексте послания наблюдаются аллюзии в виде контаминаций из пушкинских слов и образов: «иные лихие корабельщики» (*Сказка о царе Салтане*), «Поют / они и плачут» (*Бесы*); образного ряда, перекликающегося с его *Арионом*. Даже единственное обращение-оним: «А каковы / литовцы и чухонцы, Александр!» – создает двойственное ощущение, вызывая вновь в памяти Пушкина. Ведь литовцы и чухонцы – это знаки пушкинской поэзии: «юные литовцы» (*Сто лет минуло, как тевтон...*⁸) и «Приют убого чухонца» (*Медный всадник*). Встречается и сходная внутренняя модель ситуации с трагедией *Борис Годунов*, но только с перевернутой оценочностью. Ср. у Кенжеева:

... Поди, попробуй –
на улицы Москвы толпа такая
немедля хлынет – с дрекольем, с булыжным
оружием, чтобы защитить любимца
народного, мятежного Бориса.

Подобная интерпретация возможна благодаря концептуальным метатропам, представляющим собой обратимые цепочки «ситуация – образ – слово». В этом случае «пересекаются все нити памяти и создается «креативная память», которая обеспечивает перевод из одного «возможного мира» мысли и языка в другой и, следовательно, генерирует механизм рождения все новых «возможных миров» из одних и тех же мировоззренческих источников»⁹.

В послании предстает особый вид адресата – «мерцающего адресата» (по аналогии с термином Ю.Н. Тынянова «мерцающие смыслы»). Кенжеев сознательно выбирает такого реципиента, который выступает в качестве некоего символа, соединяя в себе переломные эпохи, судьбы, поэзию двух Александров, Пушкина и Сопровского. В этом случае не столь значительную роль играют факты биографии адресата, как важна принадлежность его к чуду поэтического слова, к миру высокой духовности и благородства. Оба лика адресата-Александра объединены любовью к России¹⁰.

Изображенная в послании весна в природе совпадает с общественным возрождением эпохи перестройки, а в самом адресанте порождает состояние перед «распутьем»: «Не спрашивай, зачем я не сажусь / на пароход...». Его отношение к весне сродни пушкинскому неприятию ее. В результате общения с адресатом последнего послания в голосе автора звучит грусть. Это грусть об ушедшей молодости, тоска по родине и прощание с ней. Печальное настроение еще сильнее подчеркивается эмоциональной динамикой образа чаек на ветру, который композиционно обрамляет весь цикл, появляясь в I (на фоне Невы) и в последнем (канадские водные реалии) посланиях. Ср.:

⁸ Перевод начала поэмы А. Мицкевича *Конрад Валленрод*.

⁹ Н. Фатеева, *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*, Москва 2007, с. 64.

¹⁰ О значении образа России в цикле см.: С. Абишева, *Концепт «здесь – там» в цикле «Послания» Б. Кенжеева*, [в]: *Powróćcie do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья)*, под ред Г. Нефагиной, Слупск 2012, с. 402-412.

I

... но прекрасен
залив ноябрьский – редкий белый парус
и чайки на пронзительном ветру...

XII

... а ветер
подхватывает чаек, уходящих
с недобрым криком в ветреную высь...

В *Посланиях. Монреаль 1889* предлагаемая концепция адресатов, являясь результатом опыта общения поэта с конкретными людьми, дает возможность эстетического осмысления таких важных онтологических проблем, как поэзия и судьба, дружба и творчество, история и родина, человек и мир.

Библиография

- Абишева С., *Концепт «здесь – там» в цикле «Послания» Б. Кенжеева*, [в]: *Powróćcie do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья)*, под ред Г. Нефагиной, Слупск 2012.
- Аверинцев С., *...Проминается, и длится, и сияет, все против*, [в]: Б. Кенжеев, *Из семи книг*, Москва 2000.
- Бахтин М., *Антропологистика: Избранные труды*, Москва 2010.
- Белых А., *Уховертка под божьим камнем: Диалоги с Б. Кенжеевым* [www.netslova.ru/belyh/kenzheev.html].
- Бударагина Е., *Средства создания образа адресата в художественном тексте*, Москва 2006 [www.lib.ua-gu.net/diss/cont/310106.html].
- Кенжеев Б. *Послания*, Алматы 2004.
- Фатеева Н., *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*, Москва 2007.

Summary

Structure and semantics of the addressee in B. Kenzheev's cycle *Messages. Montreal 1889*

In *Messages. Montreal 1889* Kenzheev's the concept of poetic addressees is defined by personal acquaintance of the poet to recipients of letters. The considered types of circulation of all twelve messages allow to draw a conclusion that they unite such important problems, as poetry and destiny, love and friendship, history and the homeland, the person and the world.

Key words: *message, cycle, reference, recipient, subject dominant*